

Мария
Суворова

город

об одном

дне

УДК 821.161.1

ББК 84(2)

С-89

Мария Суворова

Город об одном дне. – Вологда, 2012. – 54 с.

* * *

Город, построенный на реке,
Если бы ждал тебя, если бы – ты его,
Как и в других городах на воде –
Морось и холодно.
Как и в других городах на воде,
Лучшее время – дождь,
И расплываются пароходы
Вниз по течению и вверх – врозь.
Город, отмеченный в дневнике,
Если бы родина, если бы малая,
Так разбежались и мы налегке
В город большой и маленький.

* * *

девушки из провинции с призрачным холодком
всем бы такие строгие принципы
сладость топлёного молока
всем бы такие тонкие пальцы
выжженные на солнце виски
девушки сушат у моря ласты
ждут когда вернутся их рыбаки

девушки из провинции звонкими голосами
призывают подводных богов
чтобы мужья возвращались живыми
чтобы привозили на берег морское вино
дали прозрачные платья или духи
девушки мастерят из коры поплавки
ждут когда вернутся их рыбаки

* * *

В Ханты-Мансийске – городе на пяти холмах,
В городе, о котором никто не мечтает,
О котором у нас вовсе не говорят,
Проводишь серые дни и ночи, не так и мало,
Всё то, что осталось, всё то, что можно
Называть своими именами – отец да мама,
Называть своими словами после меня:
«Рассвет», «смотреть», «огонь» и «слава»,
Об остальном говорить осторожно,
Не договаривая главного и возможного,
Лишь бы не казалось затишье безвременьем,
Лишь бы не казалось время замедленным.

В Спасе-Всеграде – городе об одном дне,
Помню, гуляли по самой холодной воде,
По забелённым до блеска пологим речным берегам,
В поисках камушка с дырочкой – там, где росла трава,
Там, где стоял дом, и над домом текла река,
Там, где склонялись ветви, но ветви склонялись зря,
Там, где вели ступеньки в дом на второй этаж,
Нет больше первого вестника, дыма зимы,
Тоненькой стружкой взлетающего из трубы.
Нет больше Спаса-Всеграда – города об одном дне.
Дом мой дрожит под града жестоким боем.
Всё, что осталось мне – на дне – камушек из реки.

* * *

Белые травы растут, им не видно конца,
Дом мой стоит у крыльца самого себя,
Брошенный дом, он на крохотной линии сна,
Белыми травами выше трубы занесён сполна.

Дом мой с окошками в ряд, на окошках – зола,
Рамы потрескались, щели, как шрамы льда,
Времени нет ни на что – для добра ли, для зла,
Летом кругом лишь трава, а зимой – вода.

Летом горячие камни согреют мой дом,
В полдень поставлю чайник на каменный стол,
Жар одолеет, и вскоре нагретый поддон
Белые травы сожжёт, почернеет сон.

* * *

Спускаться к воде, холодной осенней воде,
По чёрной земле, по тёмным шуршащим листьям,
Прижаться к тебе, держаться рукой в рукаве
За стебли травы и влажной рябины кисти.

И кажется всем, они лишь стоят у воды,
У кромки воды, что станет январским снегом,
И мимо пройдут, и, не повернув головы,
Оставят вдвоём на фоне щемяще сером.

На фоне картин, старинных пейзажных картин
Бледнеет река, и меньше играют волны,
И ты там одна, а, может, не так – один,
Спустился к реке – холодной, осенней, полной.

* * *

Озёрная вода по цвету брод напоминала,
Когда мы маленькими были-жили,
Лежали на раскинутых цветастых одеялах
И между ног ромашки зажимали.

И приносили мягкие игрушки,
Терзали их до слёз, до истерии,
И дёргали медведей за потрёпанные уши,
Так больше никогда мы не любили.

Потом бежали в воду и, боясь раздеться,
Натягивали майки до коленок,
Никак песчаного не находили места,
Ты уплывала, я кричала: «Лена!»

На берег возвращаться не хотелось,
Пока все силы прочь не уходили,
Снимали майки, и вода по телу
Стекала в воду – больше мы не были.

* * *

В городах на горах, евразийском спинном хребте,
Километры уверенно движутся вверх,
В середине апреля на общей для нас широте
Превращается снег, как мне кажется, в свет.

А потом мне всё видится лето, огненный змей,
Как он мнёт под себя голубое, зелёное, небо, траву,
На воде, на реке ты становишься рыбой, а я водолей,
Моем волосы, лопаем мыльный пузырь наплаву.

Города на горах отличаются большей напевностью слов,
На земле говорится не так, отбивается чёткий слог,
И пришедшие с севера скажут тебе: «Будь здоров!»,
На востоке попросят трижды переступить порог.

Только крик остаётся таким же, что здесь, что там,
В городах на горах, евразийском спинном хребте,
Вспомнишь лес, где кричали друзьям, а они – нам,
В середине апреля в сосновой родной широте.

* * *

Цветущий город превратится в сад,
И летом розовый шиповник зацветёт,
И школьный двор шмели заполонят,
Последний совершая свой полёт.
Не заняты качели, кольца, турники,
Пустует деревянный теплоход,
На палубе в тельняшках мотыльки
Усами повернулись на восток.
И, если посмотреть вблизи на них,
Окажется, погибли морячки,
Заброшенный корабль давно затих
И ждёт новоявления реки.
И ждёт, начнётся вдруг прилив,
Живой водой на борт плеснёт,
И первый груз из свежих слив
Старик по белу свету развезёт.
И снова розовый шиповник зацветёт,
Шмели, как раньше, прилетят
На этот двор в последний свой полёт
И не найдут там дома-корабля.

* * *

Искать на реке причины полёта зелёных жуков,
Следить как вода изменяет свой цвет от апреля к июлю,
Мне выпало счастье идти по пути берегов,
Но прятаться и избегать берегов, тебя минуя.

В соломенных шляпах с картин Эдуарда Мане
Те девушки будто бы спят, их не ждут монсеньёры,
И я вспоминаю, не раз говорили при мне,
Что девочки – наполовину шальные позёры.

И, ради забавы, я вижу, снимают цветное бельё,
Зелёные юбки, оранжевые кринолины,
И каждый парнишка становится Монтескьё,
А я же под юбками вижу отчётливо – мандарины.

Искать на реке причины полёта зелёных жуков,
Следить за тобой от истока до устья,
Мне выпало счастье идти по пути берегов,
И девочек в школе сегодня пораньше отпустят.

* * *

Зима на Андомской горе,
Как вдох щемящий, резкий, сильный,
Я представляла свет в окне –
Дрожала свечка мамы Зины.
И свет ещё в другом окне –
На той стене, на той картине,
Зима на Андомской горе,
Как вдох, задержанный в груди.

Зимой на Андоме-реке
Я знать не знаю, что творится,
Что в этом снежном бугорке,
Пустая и разбитая теплица?
Что в этом древнем городке
За чернотой заборной сети?
На том пригорке, на горе
Склонил легко деревья ветер.

А мама Зина на дворе
Котомку, кажется, забыла,
И белый хлеб, лежащий в ней,
Нагреет снег, откроет землю,
А чёрный хлеб посеет хлеб
На Андомской горе у дома.
Я вижу свет, а света нет,
А, может, я не вижу мамы.

* * *

Мне от бабушки ничего не осталось на память,
Ни платочка, ни даже фотографий.
Я помню, как она уходила,
Никого не было рядом,
А потом мне приснился сон.
Бабушка ведёт меня в детдом.
А я думаю, что в музыкальную,
Мне весело и от солнца радостно,
Но на пути возникает крутой подъём,
Бабушка ведёт меня наверх. Идём вдвоём,
А люди кругом злобно кричат: «Вор!»
Потом... очень сложно сказать, что было потом.
Жаль, что не осталось совсем ничего.

* * *

Моя мама работала кондуктором в четырёх
автотранспортных предприятиях,
В течение четырёх месяцев она выматывала душу
водителям,
Запрещая им ехать быстро и тормозить резко,
Она жалела плачущих женщин, возвращающихся
вечерами домой,
А ей самой некуда было домой – её домом была комната
за пять пятьсот в месяц,
Которые она не зарабатывала, потому что слишком
много скандалила,
Потому что слишком много правды говорила
куращим, пьющим и матерящимся.
И вот теперь моя мама вернулась туда, откуда приехала,
Тоже на автобусе, но с телевизором и занавесочками
на окнах – междугороднем.
Вернулась, потому что кончились деньги от продажи
«Лады-Калины»,
На которой никто не успел поехать, потому что она была
куплена просто так,
Назло отцу, уехавшему от нас навсегда.
Моя мама вернулась на родину, где пятьдесят лет назад
её родила моя бабушка,
А потом увезла на советском скрипучем автобусе
в ближайший город,
Где была семья, как полагалось, многодетная,
В которой старший – милиционер и самый уважаемый,
А младшая – самая симпатичная.
И мама – средняя дочь, как оказалось,
самая непредсказуемая.
Сегодня она готовила завтрак на печи –

яичница и хлеб с маслом.

У неё нет света, и она звонит мне из телефонной будки
на улице,

Сегодня она ляжет спать поздно, потому что белые ночи,

И будет жить долго и счастливо,

Потому что мамы заслуживают счастья.

* * *

У меня есть дом в часе езды от озера,
Местные называют его морем,
Потому что берегов не видно, а волны сильные.
Мы были там последний раз в августе,
Вода к этому времени прогревается, и можно купаться.
Но там, куда вела дорога, не было песчаного пляжа,
А только камни, и от этого очень неудобно ходить по дну.
Папа установил сети и ловил рыбу на спиннинг,
А я ползала по валунам и разглядывала горизонт:
Небо серо-голубого цвета.
Брат сидел на берегу и читал книгу,
Мама готовила нам еду и сердилась,
Потому что это приходилось делать ей одной.
Но когда мы решили помочь, она
Взъерепенилась так, что пришлось отказаться помогать.
Оказывается, если она сердится,
Это не значит, что она хочет, чтобы что-то поменялось.
Сейчас мы живем отдельно друг от друга,
И мама постоянно жалуется на людей,
Которые делают всё неправильно.

* * *

Мой прадед без вести пропал на войне,
Дед умер, когда папе было одиннадцать лет,
Бабушка, когда я училась в десятом классе,
А наша семья распалась незадолго до этого.
У меня есть брат на четыре года старше,
Он не закончил университет
И отдал юность на помощь маме,
Когда происходило всё вышеперечисленное.
Я остро чувствую расстояние между нами,
Но чем больше проходит времени,
Тем сложнее сделать шаг, чтобы прийти друг к другу,
И на летний отпуск оказывается легче уехать на море,
Чем к маме в деревню или к папе на дачу,
Хотя на море ехать нужно двое суток,
А к маме – шесть часов, на дачу – час.
Мне кажется, что мы тоже пропали без вести,
Потому что больше не можем быть вместе.

* * *

Перед смертью бабушка говорила внуку:
«Вымой, милоч, руки,
Не ешь яблочко
Пальчиками грязными».
И не знала бабушка, да никто не знал,
Что самыми последними словами
Окажется этот урок.

На следующий день
И на третий, и на сороковой
Ванюша по шесть раз в день
Мылил пальцы,
Тщательно смывал пену водой.
Вспоминал, как омывали бабушку
Водой живой.

В церкви стоял под купольным ликом
Главного человека,
Главного не человека,
Смотрел на него,
Видел странные чёрные дырочки,
Откидывал голову сильнее,
Поправлял волосы рукой...

Вздрагивал и вспоминал:
«Этот храм спас простой крестьянин,
Эти фрески написаны Дионисием,
Чёрные и белые пятна –
Огрехи времени,
Это всё, что от нашей истории осталось,
Нельзя трогать изображения руками».

Служба кончалась, а мальчик Ваня
Впился в волосы руками
И раскачивался из стороны в сторону,
Как будто натываясь на две
Друг против друга стоящие опоры:
«Бабушка, бабушка! Перед храмом
Я забыл про уроки...»

* * *

Где я была в раю, там больше ничего
Не сохранилось, не осталось на земле,
И небо оторвалось от неё, и от него
Лишь облако досталось мне.
Где я была в раю, там были дни
Запутаны, расплывчаты, но плавно
Перетекали из реки в родник,
В песочные часы – единственный подарок,
Который ты придумал, подарил,
И радостно предстал для представленья,
Ещё не зная, что позднее не простил
За расставанье.
Где я была в раю, там только я
В молчании, в привычном размышлении,
Ни бабочки, ни чёрного жука,
Не помешало становлению нетленья.
Где был тот рай, не вспомнить ни за что –
Приснился, возомнился, примечтался,
Но каждый вербный день и старый светлячок,
И облако лиловое – остались.
И больше ничего – засушенных цветов,
Оторванных страниц, опавших листьев,
Не сохранилось отболевших снов,
Чтобы на ощупь с ними мне проститься.
Где я была в раю, там рая нет,
Не сохранилось, но земля осталась,
И небо оторвалось от неё, и оттого
То облако на вербный пух распалось.

* * *

Я всё, что знаю, расскажу:
Холодный ветер, третье сентября,
Четыре человека, небеса
Такие серые, что жуть,
И до желтеющего октября
Мне вечность – путь. И голоса
Приглушены, дорожные слова,
Как правило, все ни о чём,
Холодный ветер бьётся за стеклом,
И воздух нагревается, и голова
Опять болит, железным колесом
Стучит-стучит, летит вверх дном.
Моя печаль, здесь не останется её
Совсем-совсем, как никогда
И не было её-её...

Всё то, что знаю, расскажу:
Холодный день, и города
Такие, как везде и как всегда,
Закат цветной – огромный парашют,
И свет желтеющего октября.
Когда всё это будет для меня?
– Тогда-тогда...
Когда-когда уедешь далеко,
Забудешь ключ, тетрадь, молитвослов,
Всё повторится, но легко-легко,
Без страха за любовь.

* * *

Не столько смерть пугает, сколько вечность,
Бессмертие, другая жизнь, перерождение,
Подобно переходу дня на долгий вечер,
Где в близости становишься местоимением,
Иным телодвижением, обоюдным,
Безмолвным, чётким, но не ярким,
Где лист желтеющий прозрачно-мутный,
Туман клубится от лица до пяток.
Кто может знать, насколько это правда,
Где эта правда, за каким предощущением,
Где виноватая не будет виновата,
Где не придётся никому молить прощенья?
Прощенья робости наивной и невнятной,
Забывчивости, просто неумения
Делиться настоящим до попятной,
До отрицания миротворенья.
Насколько смерть пугает, и настолько
Страшны слова, толкующие мысли,
Что за стеклом в стекле, в осколке...
И хочется лишь так, как если б.

* * *

Больше никто никогда не умрёт,
Глаз не сомкнёт у меня на глазах,
Ночью вода обратится в лёд,
Я не смогу ни о чём рассказать.
Я не смогу пережить себя
В заданном и предначертанном мне,
Может, сегодня, спустя рукава,
День доживу, а потом и век.
Может, приснится последний миг,
Может, забудусь минут на пять,
Но роковой судьбоносный сдвиг –
Это конец, приходящий взять.
Это вода, приходящая скрыть,
Кода, фортиссимо, раз и два...
Это затакт с безударного "и".
...Три и четыре и пять.
Каждый своё забирает с собой,
"Эй, заberi и меня! –
Крикну идущему мимо. – Стой!",
Крикну воде: "Земля!"
Лишь бы никто больше не покидал
Скомканный этот мир,
Лишь бы опять побежала вода,
И не осталось льдин.

Танатологическое

рамблер точка ру
яндекс точка ру
когда же когда же
я тоже умру
ответ не пойму
ответа там нет
я знаю и ветхий
и новый завет
на рамблере нет
на яндексе нет
ни zip и ни gar
не даст мне ответ

* * *

1.

Близится первое ноября,
Не выходи из меня, душа,
Не оставляй меня на земле,
Закутанной в простыне,
Не отрицай меня и моих,
Раненых, четверых.

2.

Близится день запасной,
Не отрицай своего существа,
Будет пухом тебе трава,
Будешь снова в меня влюблена,
Не уходи от условности дня,
Оставайся здесь также, как я.

3.

Близится день нулевой,
У каждого свой дом,
У всех накопилось в нём
Чёрт и что – вверх дном.
Не оступись сейчас,
Выжди, отмерь семь раз.

* * *

*Стоишь на краю, и движется вверх
белое поколение, натянутый нерв,
им небожителство тоже заранее зачтено,
всё ли равно?*

Кто бы мог знать, что в самой живой из живых,
В огненной страстной силе, энергии и любви
Может лежать обломок готического корабля,
Царствие неземное, лоно бездонного алтаря?

Кто бы мог знать, что Юлия, Юля, Юля!..
Каждая из девяти солнечных дочерей
Не в сентябре, а ещё в середине июля
Дрогнула, покачнулась, крикнула: «Эге-гей!
Вам не догнать меня,
Не спасти меня,
Не любить меня больше!
Не смотреть на меня,
Не бояться меня,
Не жалеть!
Я – это пламенный детский фломастерный росчерк,
Пусть в моём сердце и стонут тяжёлые якоря,
Я в одночасье явилась из едких смолистых почек,
Я же в секунду уйду за холодные за моря,
Мамочка, мама, прости мимолётную дочь,
Спишемся, созвонимся, целую. Твоя. Твоя».

И уплывала дальше, и уходила выше, и не смогла
Ручку взять, листик какой, написать:
«Мне хорошо, я вижу небесно-розовые облака,
Радугу семицветку, бабочку и жука».

И на девятый день в полдень, в заветный час,
Выросла из земли, всё-таки прорвалась,
И безутешную мать в потусторонний раз
Маменькой назвала, Юлией назвалась.

Кто бы мог знать, что так вычеркнут и сотрут
Линию на руке, ямочку на щеке,
В парке старинный пруд,
И на стальном замке
Вот уже много лет имя её горит.

Сливовая косточка

1.

упала
косточка
сливовая
на землю
я узнала
вкус твой
сахарный

вырастет
деревце
ветвистое
завтра
назовём
его Ваней
её Аней

2.

так начиналось новое длинное сказание.
после грозовых туч на небе забрезжил
рассвет, и мои любовные признания
в спину и в губы, и в волосы без сил
вырывались,
только бы ты не успел понять, сколько
времени, вспомнить, что есть кругом мир,
где ты, то ли человек, то ли актёр в кино,
и пора идти быту на поклон, на облом
нежности
гусиным пером, мастеровым скребком,
чаем с печеньем, повседневной суетой
на остановке под расписанием автобусов,

где десять минут – частота движения
обманная,
которой хотелось избежать уже не раз,
забыть в ранний час, что есть за окном
сцена-колесо и повторяющийся спектакль
без зала и занавеса, без кулис и актрис.

Э.

ты ещё спишь.

* * *

Я повторяю себя каждым словом.
Это больно – вычислять, сколько их,
Сколько во мне было и будет
Мужчин, женщин, собственных детей.

Я встречаю тебя случайно по пути
Домой и не замечаю каждый раз,
Запутавшись в цепочке чисел,
Чисел-людей, нанесённых на карту,

Занесённых в календарь личных
Встреч, свиданий, дней и ночей
Под музыку классическую и без,
Под стук колес в ритме R'n'B

Или просто вальс штраусовский,
Что берedit воспоминания не моих
Прошлых дней, но память общую
Для всех с зарубками летописных вех.

Я повторяю себя каждым словом,
Выдыхаемым легко или налегке,
Но больно вычислять сколько их –
Мужчин, женщин и детей во мне.

200/5+20

Каждый раз при встрече человек думает:
«Я знаю, понимаю, верю».
Каждый раз по пальцу вверх-вниз шевелит
Колечком – нервничает.
Через полгода становится ясно
Без объяснений и красноречий,
Ты, человек, пытаешься выяснить,
Сколько мне лет,
И почему ещё не двести,
Разделённые на пять плюс двадцать.

Каждый раз думаю при нашей встрече:
«Я знаю, понимаю, верю».
Каждый раз по пальцу вверх-вниз шевелить
Мне, увы, нечем.
И через полчаса становится ясно
Без объяснений и красноречий,
Ты, человек, попытался понять,
Почему мне не двести,
Разделённые на пять плюс двадцать,
И почему мы не вместе.

* * *

С фотоаппаратом обойдёшь не раз и не два
Город, кончающийся буквой «а».
После этого вернёшься домой
И начнёшь стаскивать с меня долой
Одеяло. Мне покажется, что этого мало –
Приходить не только усталым,
Но и немного пьяным. Говоришь: «Так надо»,
Укрывая ноги покрывалом,
Наделяя себя эксклюзивным правом –
Владеть вниманием неспеша и плавно,
Отчётливо выделять слова ударением,
Произнося их с акцентом – варенье.

Моя склонность к нежным выраженьям,
Щипающим щёки, смущающим слух,
Касается не одного, а двух,
Рушится от всего, что издаёт стуки,
Охлаждает закутанные ноги и руки.
После этого сложно вернуться в ту колею,
Встать на накатанную лыжню,
Откуда началось движение,
Откуда выросло за полчаса сомнение
В правильности изъяснения,
В необходимости крика и говорения.
Вспышка, щелчок, молчание, ослепление.

* * *

Голос слишком мужской – в нём отчётливо слышится хрип,
На букве «эр» слова западают, на «эль», «эм» и «эн»
срываются, как на струне.

В очереди в ближайший к дому хлебный, кажется,
не достоиншь,

Несносный бегаёт рядом мальчишка и чихает на пике
эпидемической волны,

ОРВИ в этом городе со статистикой не дружит, но каждый
знает, что может слечь,

Закрываешься шарфом и отворачиваешься к окошку,
Думаешь, – парень, давай уже, покупай себе плюшку и
уходи.

Голосом мужским, совсем не по-дружески, не выдержав,
говоришь: «Эй, нос утри!»

Но голос за день окажется так натружен, что слова
застрянут на полпути,

Думаешь, как же, в конце концов, так можно, чтобы жизнь
проходила внутри?

Или жизнь проходит иначе, может, прав, кто говорит,
что ты не мальчик,

И поэтому хочешь только неземного, внезапного и на носу
солнечный зайчик,

А тебе говорят: «Хватит! Я потерял зарядный, мне
не доехать до Попятной,

Пиджак слишком мятый, на рубашке локоть залатан»,
Но запах твой – мятный.

И это говорит об обратном, жизнь – вата, смякай её,
скомякай!

* * *

Будто бы не было ничего до.
Только, обняв колени, зачем-то
На пол садишься и всё зовёшь
И зовёшь скорей... Его. Её.
Будто бы не было никого до.
Не было мальчиков, девочек,
Вечером приходящих с работы
Отцов, сладостей в ящик
Припрятанных к Новому году.
Будто бы не было нас вчера,
Слитых в холодную подкову.

Так длилось долго.
Белели поля, и болели
Головы. Рваные с потолка
Свисали коричневые обои.
Так проходили с тобой
Мы годы в стылой комнате
С обмороженной любовью.
Ради работы, чтоб не зачахнуть,
Не стать тонко-стекольной,
Бесчувственной к доброму,
Такой же, как снег холодной.

Так длилось долго, но будто
Не было. Хрупкое «верю»
Вот-вот прозвучит несмело.
Только осталось оно одно,
Слабое и бестелое. Будто бы
Не было слов до него.
И не было губ, чтоб твердить

Перед сном: «Верую, верую,
Верую!» Не было сил, чтоб
Свернуть подкову в кольцо.
Есть ли ты? Был ли? Будем ли?

* * *

Что помню я? На подступах весны –
Окаменелые дворовые скамейки,
Сугробом наглухо они окружены,
Под коркой ледяной – наклейки.
Что помню я, когда немислим ход
И логика земного претворенья?
Не помню я ни месяц и ни год
Античности, средневековья, возрожденья.
Всё забывается, очередной виток
Катушки деревянной, белых ниток,
А, если попадётся в руки узелок,
То не развяжется, не развернётся свиток,
В котором летописным языком
Рассказано, зачем мы и откуда
Воды живой набрали черпаком
И землю распахали плугом.
На подступах сиреневой весны,
Черёмухого ледяного винограда,
Не знаю, будут ли цветными сны,
Не помню, были ли они когда-то.

* * *

Я знаю точно, листья для того,
Чтобы лежать на них, когда они в траве
Ещё зеленой, красочным мазком
Разбросаны – веснушки на руке.
Я знаю точно, в городе моём,
Печаль, сродни реке, когда она молчит,
А счастье измеряется потом,
Когда вдруг девочка на реку закричит:
"Река – ты море!" И быстрее к земле
Приложит ухо, что-то ворожит
И шепчет, и испачкается до колен,
Но верит, что исполнится, что докричит,
Что счастье приоткроется душе,
Что вера превратится в белый свет,
Закрутится стремительно земное колесо,
Навертит новых дней, прибавит лет.
И знает точно, что реке не до неё,
Не до морей, подсмотренных в кино,
Но до тех пор, пока не встанет лёд,
Она воды не тронет, не уйдёт.

* * *

Древесный запах вечером сильнее
Всех полевых цветов всех вместе говорящих,
Пока светло, но спящих в полутьме,
Сереет колокольчик, прячется твой одуванчик.
И между сотен листьев будет не найти
Похожего на тот, что вложен в книгу,
И, даже если там же будешь проходить,
Где год назад мир открывался мигу
Волшебного стремительного сна,
Окутанного запахом еловым,
То не найдёшь похожего цветка.
Быть может, он нечаянно упал
И превратился в сгусточек медовый.
И закружился лес в предчувствии беды,
Всё поменялось по наитию, по знаку,
С неведомой небесной вышины
Ниспосланного, с облаком крылатым.
Так было ярко всё, вертелось по часам
Безумной карусели, снежных горок,
И между сотен бликов выростал
Твой одуванчик дикий, светлоокий.
И вот теперь в прозрачной темноте,
Не отличая холода от рая,
Где год назад парил на птичьей высоте,
Вспоминаньями проникся и растаял.
В древесном запахе, вечерней полутьме,
Всех полевых цветов всех вместе говорящих
Твой одуванчик книжный ярче и сильнее,
И к небу тянется как настоящий.

* * *

Здесь много ягод, червоточин мало,
Давай я покажу тебе плоды,
Поспевшие недавно, жаркий самый
Был месяц, не было ни тени, ни воды.
Зелёный месяц, а теперь желтеет
Твой дачный куст и тонкая трава.
Ты говоришь, а у меня во рту теплеет,
И ягоды кладёшь мне в рукава.
Но я не здесь, не под сухим навесом,
Уводит слух и взгляд трава, трава,
И голоса, как будто из земли, из леса,
Тревожат, думать не дают слова.
Мне нет здесь места, как бы не хотелось,
Каким бы ни был он или она,
Я вылеплена мамой из кусочка теста,
И тестом этим, нежностью полна.
А здесь переполох и неурядицы, ошибки,
Так будет, будет! до внезапного конца,
И даже вырастут пшеничные травинки,
Когда из червоточины посыплется пыльца.
И лучше я скажу тебе, где ягод
Бесчисленное множество, где сплошь
Покрыто небо белым покрывалом,
Мне место там, где тёплый дождь.
И ты найдёшь налитые плоды, немало,
Сорвёшь всего один, как в этот раз,
И бросишь косточку на землю, в ту же рану,
Там я была в раю не за себя – за нас.

* * *

Холодный август, в десять – темнота,
У города другие очертанья,
Не только контуры меняются – названья,
Географических ошибок пустота.
И, если будет так до самого утра
Невнятная бессонница шаманить,
Поддельным светом прогонять из спальни,
То поменяюсь я, и станет мысль остра,
И август растревожит всю меня
До самого конца, до перевоплощенья,
До первых детских снов и до рожденья,
Когда заплакала, боясь самой себя.
И только чёртово под небом колесо
Не остановится и не пропустит круга,
Сбивая горизонт, минута за минутой,
К утру он станет горд и невесом.
Холодным августом, желтеющим листом,
Запомнится мне это наважденье,
Когда всего вернее – отраженье,
Сосуд, повёрнутый вверх дном,
И, если я самой себе не вру,
Что сломаны дворовые качели,
А небо мы задеть могли, но не задели
К утру я этот горизонт руками соберу.

* * *

невыносимая в присутствии других
моя река самозабвенного познания
всё шире, глубже и на ней круги,
водовороты, сиротливые названия
порогов, поворотов, островов,
где каждый измеряется по-своему,
где каждый ловится на свой крючок, где поплавок
и тот клюёт по-разному.
кивает длинношеей головой,
обманывает и указывает,
уходит в омут и уводит за собой
вниманье, ожиданье ненапрасное.

немыслима в присутствии чужих
жизнь, погружённая в самосознание,
в моей реке есть место для своих,
для тех, кто хочет знать, но всё ещё не знает,
с чего же начинается река,
какие преодолевает расстояния,
и, почему всё время кажется, что утекла
вода, когда осталось так немного до слияния
двух рек, объединения души
и тела, до земли благословения,
со временем прибавилось морщин,
пришло потерянное удивление.

* * *

Роман «Война и мир», потрёпан корешок,
Закладки на особенно лирических моментах,
Потом опять слова – словесный порошок,
И проблески безумства, книга-кинолента.

И первый том почти прочитан до конца,
Хотя забыта из прочитанного ровно половина,
Засохшая ромашка и мёртвая оса
Останутся лежать между страниц невинно.

И так, не дочитав, уйдёшь на полчаса,
И не вернёшься через час, через полгода,
И белый лепесток, и мёртвая оса
Напомнят о тебе, пропавшем в непогоде.

Не вовремя война сотрёт им имена,
Перечеркнёт задуманное, поменяет планы,
Безумна и несобранна Наташина страна,
В ней яблоки и те не поспевают рано.

* * *

Слишком торопится, путает пальцы и руки,
Первый неспешный вальс разучен ещё слабовато,
Муза Борисовна – стройная дама нотной науки,
Такты отстучивает ногой, наигрывает кантаты.

Чайные пары, заварочный дух, малинный,
Чёрные точки, разбросанные по листам,
Век девятнадцатый, воины и павлины,
Женщины и мужчины, северная береста.

Но не отвлечь от пальцев, длинных и невесомых,
Не утолить печаль льющейся вверх воды,
Руки её красивы, и вовсе они не виновны
В том, что сыграть не могут спутанные ряды,

В том, что из всех наук или из половины,
Из безграничных знаний выстроился звукоряд.
Вот он, стоит отряд – стройный, кавалеринный,
И одинокий в сторонке топчется робко солдат.

Слишком боится шума, путает всех с генералом,
Медленно и нелепо делает первый шаг,
Но у него в руках трубочка из коралла,
Заговорит она только в её губах.

Будет к нему торопиться, путать дворы, переулки,
Старые указатели на деревянных домах,
Стройная дама во время вечерней прогулки
В самых загадочных, нотных своих мечтах.

* * *

Мне было восемь лет, тебе, наверно, тоже,
Ходили в музыкалку, бренчали на ф-но,
Никто из нас не знал, на что это похоже,
Поэтому учились и не было смешно.
Вначале неспеша мы раздвигали ноги
И куколкой играли туда-сюда,
И меркло всё в глазах, и путались все слоги,
И говорить не стали, молчанье соблюдя.
Потом узнали в школе об этом обо всём,
Мне было восемь лет, тебе, наверно, тоже,
И мы с тобой расстались, как будто не при чём,
Как будто и не знали, на что это похоже.

* * *

На носу появились веснушки
От тебя. От настойчивого внимания
Одного к другому
Лица.
Это всячески одобряется –
На щеках, коленках, руках,
Отпечатки ранние – мартовские,
А твои – на губах.

* * *

Пригоревшая первая буква имени
С языка срывается там, где не нужно,
Трава любимая у тебя подорожник,
Лист у неё упругий и влажный,
А голос с нежной побряжкой: "Машка..."
Кажется, ты произносишь слова,
Едва отрываясь губами от чашки,
В субботнее утро едва открывая
Глаза, срывая тонкие пестики
Кашки, бросая кубики сахара,
Забывая, что солоно, а что – сладко.
Ты со мной, как с ребёнком полутора лет,
Говоришь: "Что за девочка у нас тут?
Что за диковинное растение
Корни пустило в моей постели?
Что за отчаянный у неё вид,
Лихо взъерошенный иконописный лик?"
Наболевшее на первую букву имени
Послевкусие сладкого молока,
Это с губ твоих горячая вода
В горло потекла и сильно обожгла.
Первая буква имени – твоя,
Первая буква имени – моя.

Пирожное

1.

Увидишь воочию, сотрёшь досрочно
Строчки и пенку кефирную с губ,
Чтоб никому не досталась молочная
Девочка, чтоб никогда – никому.
И забываешь про первое правило:
Всё по чуть-чуть, всего по чуть-чуть,
Только мелькнуть двадцать пятым кадром,
Кончиком пальца коснуться рук.
Сложно нам, сложно блюсти равновесие,
В этих песочных часах – сироп,
Сладкое варево липкой испарины
Льётся стремительно прямо в рот.

2.

Пальцы твои в детском пирожном,
Лакомых сливках, сливочном креме,
Я бы с тобой неспеша говорила,
Было бы нам на двоих время.
Было бы нам на двоих место,
Если бы было всего лишь просто,
Просто сидеть на твоём кресле,
Просто считать не секунды, а точки.
Точки на стенах и точки на стёклах,
Проще не будет – считать и точка.
Пальцы твои непривычно скользки,
Пальцы твои в корзинке белой.

* * *

Просто крылья растут, видишь,
Пробиваются из-под лопаток,
Ты дотронься легонько пальцем
Указательным, средним, мизинцем.
Я налью тебе сок из яблок,
Слышишь, шумом листвы наполнен,
Слышишь, деревца пьют по корню,
Воду пьют, вырастая всё выше.
Ты меня так тихонько любишь,
Как листок на листок ложится,
По плечу проводя мизинцем,
Приближаешь к себе поближе,
Прижимаешь к себе так мягко,
Как туман обнимает землю,
Просто крылья растут, видишь,
Пробиваются из-под лопаток...

* * *

Медовое молоко принесу тебе,
Не белое мороженое на пахте,
А кремовое суфле на влажной руке,
Сливки на мягком твоём языке,
Но повод нужен, чтобы прийти
Часам к семи, позвонить в дверь,
Откланяться, как при дворе-царе:
«Я на минутку по делу почтовому,
Нет, не курьер, газета из ящика –
"Премьер", не надо?» Но как теперь
Оставить себе и остаться с тобой
На самой большой глубине, в джеме,
Медовой смоле – одуреть в молоке.

* * *

Соль на помятых от сна щеках и соль на губах,
Вмятинка на руке и складочка на ладони,
Это всё сны говорят о тебе – солнце на подоконник.
Это вчерашние синие пятна на серых холстах
Стёрлись с рекламных проспектов в закладках,
А на подушке лежит для охраны игрушка-змея,
Плавает в банке глазастая рыба – золото-чешуя.
В банке, наполненной мёдом, так сладко,
Сладко смотреть, как на мятых от сна щеках,
Медленно, словно сквозь мёд, прорастает румянец,
Это нечаянно с облака соскочил солнечный заяц,
В сахар-сироп превратил соль на твоих губах.

* * *

Дворик и дворник, ноль-шесть-ноль-пять,
Лёд на реке, наверно, прозрачен и тонок,
Ты не ходи без меня в этом сне гулять,
Хлебом кормить коричневых понок.

Поночек-понок, отзывчивых лебедей,
«Уток», – наморщишься сонно, исправишь...
«Помнишь, по осени, птицы и корабли?
Помнишь? – на ухо шепчу. – Знаешь?»

Помнит и знает сонное существо
Выдуманнные истории, утреннее шебуршанье,
И говорит в этом сне дурном,
И пропускает, не просыпаясь, тёплое умыванье.

И пропускает завтрак – манные сухари,
Вместо того мыльные пузыри летают,
Это всё сон говорит изнутри.
Я говорю привычное: «До свиданья».

Чтобы прийти потом выжженной и пустой
И обрести дыханье, выдохнуть и вдохнуть,
А по пути свернуть к берегу за росой,
Там помолчать, подумать, выдохнуть и вспорхнуть.

Содержание

«Город, построенный на реке...»	3
«Девушки из провинции с призрачным холодком...»	4
«В Ханты-Мансийске – городе на пяти холмах...»	5
«Белые травы растут, им не видно конца...»	6
«Спускаться к воде, холодной осенней воде...»	7
«Озёрная вода по цвету брод напоминала...»	8
«В городах на горах, евразийском спинном хребте...»	9
«Цветущий город превратится в сад...»	10
«Искать на реке причины полёта зелёных жуков...»	11
«Зима на Андомской горе...»	12
«Мне от бабушки ничего не осталось на память...»	13
«Моя мама работала кондуктором...»	14
«У меня есть дом в часе езды от озера...»	16
«Мой прадед без вести пропал на войне...»	17
«Перед смертью бабушка говорила внуку...»	18
«Где я была в раю, там больше ничего...»	20
«Я всё, что знаю, расскажу...»	21
«Не столько смерть пугает, сколько вечность...»	22
«Больше никто никогда не умрет...»	23
Танатологическое	24
«Близится первое ноября...»	25
«Кто бы мог знать, что в самой живой из живых...»	26
Сливовая косточка	28
«Я повторяю себя каждым словом...»	30
200/5+20	31
«С фотоаппаратом обойдёшь не раз и не два...»	32
«Голос слишком мужской – в нём отчётливо слышится хрип...»	33
«Будто бы не было ничего до...»	34
«Что помню я? На подступах весны...»	36

«Я знаю точно, листья для того...»	37
«Древесный запах вечером сильней...»	38
«Здесь много ягод, червоточин мало...»	39
«Холодный август, в десять – темнота...»	40
«Невыносимая в присутствии других...»	41
«Роман «Война и мир», потрёпан корешок...»	42
«Слишком торопится, путает пальцы и руки...»	43
«Мне было восемь лет, тебе, наверно, тоже...»	44
«На носу появились веснушки...»	45
«Пригоревшая первая буква имени...»	46
Пирожное	47
«Просто крылья растут, видишь...»	48
«Медовое молоко принесу тебе...»	49
«Соль на помятых от сна щеках...»	50
«Дворик и дворник, ноль-шесть-ноль-пять...»	51

Мария Суворова. Город об одном дне.

Дизайн обложки Н.А. Сучкова

Корректор С.Б. Ташентук

Компьютерная вёрстка М.Е. Суворова

Автор благодарит за помощь в создании книги Г.А. Щекину, О.Н. Кузнецову, Е.В. Волкову, а также Объединённую Творческую Корпорацию (Вологда).

Тираж 100 экз. (в том числе 5 именных нумерованных).

